

Вадим Фёдоров

Как найти женщину своей мечты и что потом с этой стервой делать?

Вадим Фёдоров

**Как найти женщину своей мечты и
что потом с этой стервой делать?**

«Издательские решения»

Фёдоров В.

Как найти женщину своей мечты и что потом с этой стервой
делать? / В. Фёдоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905966-6

Сборник рассказов, написанных автором в разное время. Все рассказы
объединены одной темой — войной полов. Войной, в которой нет
побеждённых и победителей.

ISBN 978-5-44-905966-6

© Фёдоров В.
© Издательские решения

Содержание

Ведро	6
Проститушка	20
Валя	29
Оксана	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Как найти женщину своей мечты и что потом с этой стервой делать?

Вадим Фёдоров

*Если вы нашли женщину своей мечты – с остальными мечтами
можете уже распрощаться*

Корректор Ольга Котигоренко
Фотограф Татьяна Оськина
Иллюстратор Татьяна Никишова
Иллюстратор Анастасия Фёдорова

© Вадим Фёдоров, 2018
© Татьяна Оськина, фотографии, 2018
© Татьяна Никишова, иллюстрации, 2018
© Анастасия Фёдорова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-5966-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведро

Из совместно нажитого имущества у Любы и Жени были только машина и гараж.

Квартира, в которой они жили до развода, принадлежала Любиной тётке. В этой двушке на Молодёжном проезде Люба и осталась. А вот Женя съехал в общежитие. На пятилетнем «форде». Любе достался гараж.

– Зачем тебе гараж? – спрашивал Женя. – У тебя же машины нет. Да и прав тоже.

– Права я могу получить, только экзамены сдать, – отвечала Люба, – забирай гараж, а мне машина останется.

– Зачем мне гараж без машины? – удивлялся Женя. – Я свой фордик не отдам.

– Тогда гараж мой, – подытожила Люба, – а машина твоя.

– А ребёнок чей? – спросил Женя.

– Ребёнок общий, – устало ответила Люба, – платишь нам алименты и можешь навещать его по выходным.

– Хорошо, – согласился Женя.

Он хотел ещё что-то спросить, но не стал. Поднялся из-за стола на кухне, где проходили переговоры, и ушёл. В своё общежитие.

Это было зимой.

А сейчас, летом, развелась лучшая подруга Любы – Галя.

Дружили они с детства. Хотя были совершенно разными. Люба русая, с косой, здоровая, широкая в кости, ростом метр восемьдесят. И Галка. Низенькая, чёрненькая, худая, как палка, вечно куда-то спешащая.

Виктор, Галкин муж, был такой же мелкой породы. Невысокий, тощий, с заметной залысиной.

Но. Маленький, да удаленький. Как выяснилось позже.

Поймала Галка своего благоверного в супружеской постели с какой-то девицей.

Скандалить не стала. Только выкинула в окно одежду незнакомой девки и потом с интересом наблюдала, как та, полуголая, вместе с её Витей ищет по кустам свои шмотки.

Витю она обратно в квартиру не пустила. Вещи его покинули семейное гнёздышко тем же путём. Через окно. Благо этаж второй.

Жили Галя с Виктором на улице Мира, в пятиэтажном кирпичном доме. В простонародье именуемом хрущёвкой.

Люба узнала об этом происшествии только на пятый день. Когда все страсти поутихли. Её не было в городе. Отвозила ребёнка в Тульскую область к матери на каникулы.

Приехала. Прочитала СМСки от подруги на забытом дома телефоне. Позвонила ей. И уже вечером сидела у Галки на кухне. С бутылкой настойки.

– Ты, главное, не переживай, – говорила Люба, – не стоит из-за этого переживать. Всё образуется.

– Что образуется? – всхлипнула Галя. – Я же его любила. Я ему ни с кем не изменяла. Я ему завтраки-ужины готовила. А эта сволочь в наш дом бабу привела.

– Это не ваш дом, это съёмная квартира, – осторожно сказала Люба.

– Какая разница, – махнула рукой Галя, – съёмная или несъёмная. Они на нашей супружеской постели тут кувыркались.

И Галя зарыдала уже в полный голос.

Люба встала. Налила подруге воды из-под крана. Прошла по квартире. В спальне стоял раскладывающийся диван, который Галя называла супружеской постелью. Над диваном висела свадебная фотография. На фотографии глаза у Вити были заклеены чёрной изолентой. В углу валялось постельное бельё. Напротив окна стоял шкаф с полуоткрытыми дверцами.

В комнате пахло тоской и женской обидой.

Люба вернулась на кухню. Подошла к плачущей подруге.

– Галюш, – сказала она, – у тебя паспорт где?

– Чего? – Галя подняла заплаканные глаза. – Какой паспорт? Зачем?

– Общегражданский, – терпеливо, как ребёнку, пояснила Люба, – твой паспорт. Где он? Можешь принести?

– Я не помню, – шмыгнула носом Галя, – я как из ЗАГСа пришла, куда-то его зашвырнула.

– Принеси мне его, – попросила Люба.

– Зачем? – спросила Галя.

– Ты можешь не спрашивать, а просто принести? – вопросом на вопрос ответила Люба.

– Хорошо, – Галя послушно встала и отправилась в комнату.

Возилась она там минут десять. За это время Люба успела выпить пару рюмочек горькой настойки и сделать два бутерброда с колбасой.

– Нету нигде, – дoloжила испуганная Галя.

Начали искать злосчастный паспорт. Перевернули всю квартиру. Через полчаса красная книжца была найдена в куртке, мирно висящей на крючке в прихожей.

– Ты же сказала, что зашвырнула его куда-то, – сказала Люба, разливая по рюмкам настойку.

– У меня стресс был, – прогнусавила Галя, – я не помню, как домой-то дошла. Не говоря уже о документах.

Люба вздохнула. Выпила.

– Раскрывай свой документ, – велела подруге, – сразу вторую страницу. Читай. Вслух.

Галя послушно раскрыла паспорт.

– Батаруева Галина Анатольевна, 12 декабря 1990 года, – прочитала. – Это я и так знаю.

– Раздел «дети» найди, – продолжила командовать Люба, – страница шестнадцать.

Галя пошелестела страницами.

– Нет тут ничего, – ответила, – да и откуда? Нет у меня детей. Я это и без паспорта знаю.

– Что-то не видно, что ты что-то знаешь, – Люба снова наполнила рюмки. – Тебе 28 лет, детей нет. Через месяц разведут. Красота. Чего ты убиваешься-то?

– погоди, – Галя отодвинула рюмку, – так мы тут битый час паспорт искали, чтобы дату моего рождения посмотреть?

– Аха, – кивнула Люба, – а то ты забыла, что ты молода и красива. Да нам только свистнуть – и очередь выстроится.

– Да, – кивнула головой Галя, – выстроится. Только зачем надо было паспорт искать? Так бы сказала.

Люба горько усмехнулась.

– Тебе слова сейчас, как от стенки горох, – вздохнула она. – Я полгода назад через всё это прошла. А тут размялись, пока твой документ искали. Жир растряли.

Галя повертела в руках паспорт. Спрятала его в ящик стола.

– Люб, а у тебя есть кто сейчас? – спросила осторожно.

– Нету, – ответила подруга, – пока нету. Но будет. Очередь будет. И у тебя, и у меня. У меня поменьше, потому что ребёнок. А у тебя очередь точно будет. Из нормальных мужиков. С деньгами и прочим.

Пока у Любы после Жени никого не было. Как-то не получалось ни с кем познакомиться. Хотя бы просто для секса. Видимо, мужчин смущали немаленькие габариты Любы и наличие ребёнка.

– За очередь, – предложила Галя тост и глупо захихикала.

– За очередь, – поддержала её Люба.

Допили бутылку. Доели бутерброды.

Люба уложила захмелевшую подругу в постель, захлопнула за собой дверь и вышла во двор.

Вдохнула летний прогретый воздух полной грудью. Ей нравился город, в котором она жила. Протвино построили в 60-е годы в сосновом бору. На тот момент современные пяти- и девятиэтажные дома. И сосны. Везде, где только возможно.

Люба сделала несколько шагов, дошла до соседнего подъезда.

На лавочке с банкой пива в руке сидел Галин Витя.

– А вот и он, собственной персоной, – усмехнулась Люба, – наш герой-любownik.

Витя вздрогнул.

– Привет разведёнкам, – отозвался он и сделал глоток из банки.

Люба подошла к Вите, села рядом на скамейку.

– Ты зачем девочку обидел? – спросила.

– Так получилось, – ответил Витя и посмотрел куда-то вверх, – дурак был. У меня повышенная сексуальная активность. Одной женщины мало.

– У тебя повышенная козлятиность, – ответила Люба. – Ты чего тут ошиваешься? Активный ты наш. Если к Гале, то она тебя и на порог не пустит. Даже не надейся.

– Грубая ты женщина, Люба, – вздохнул Витя, – и чего Женька в тебе нашёл? Грубая и невоспитанная.

– А давно ты Женю-то видел? – перебила Витю Люба.

– Мы вообще-то с ним в одной комнате живём, – ответил Витя, сделав глоток из банки, – в общежитии. Два товарища по несчастью.

– А на двери у вас табличка, – усмехнулась Люба: – «Комната неудачников».

– Злая ты, – Витя допил пиво и спрятал пустую банку под скамейку, – тут и так никакой личной жизни, а ты ещё издеваешься. Может, к тебе пойдём?

– Зачем ко мне? – не поняла Люба.

– Кроссворды разгадывать, – потянулся Витя, – в общагу же я тебя пригласить не могу. Там народу много. Советами замучают. Да и Женька против будет. Он всё ещё на что-то надеется.

– Я тебе сейчас пальцы на правой руке сломаю, – пообещала Люба, – чтобы не было чем кроссворды разгадывать. Кобель общагинский.

Витя опасливо покосился на Любу. Помолчали. Темнело. Наступало то время между днём и ночью, когда ещё светло, но день уже закончился.

– Слушай, – прервал молчание Витя, – а сдай мне свой гараж. Он же у тебя пустой стоит?

– Зачем тебе гараж? – удивилась Люба. – Ты совсем с ума сошёл? Баб в гараж водить?

– А ты там была? – Витя с интересом посмотрел на Любу. – Ты в курсе про подвал?

– Была, – кивнула головой Люба, – но внутрь не заходила. И про подвал кое-что слышала. Вроде там для соленьев вырыто что-то.

– Для соленьев, – передразнил Любу Витя. – У тебя там двухуровневая квартира практически. А она про какие-то соленья.

И Витя рассказал Любе про её же гараж. Который Женя с Любой купили у уезжающего за границу мужика несколько лет назад.

Всё дело в том, что почва в городе Протвино и его окрестностях песчаная. Легко копается. И эту особенность при строительстве гаражей жители использовали в полной мере. Увеличивая полезную площадь вглубь. Особо ушлые умудрялись выкопать и забетонировать три или четыре этажа.

У Любиного гаража этажей не было. Под полом была огромная бетонная яма в три метра глубиной. По всей площади гаража.

– Там лестницу только поставить, и диван, – рассказывал Витя, – и жить можно. Электричество подведено, труба для вентиляции аж на крышу выведена. И сухо, что главное. Гидроизоляция сделана просто на пять с плюсом. Я две тыщи в месяц буду платить.

– Мало, – отрубил Люба, – десять.

– Да ты с ума сошла, – разволновался Витя, – у меня даже машины нет. А там же ещё облагородить подвал надо. Не на голом же полу...

– Я даже не помню, где этот гараж находится, – сказала Люба, – я о нём и не вспоминала, пока тебя вот не встретила.

– Так пойдём покажу, – вскочил Витя, – тут идти пять минут от силы. Как Мира заканчивается, гаражи идут. Ваш на второй линии. Ключи с собой?

– Не знаю, – ответила Люба.

Она открыла сумочку и принялась копаться в ней. На самом дне нашёлся ключ от гаража. Люба как положила его туда после развода, так он полгода и лежал там среди других Любиных вещей.

– Женская сумочка, – уважительно сказал Витька, – это как ящик Пандоры. В ней прошлое, будущее и настоящее женщины.

– Хватит болтать, – прервала его Люба, – показывай, Сусанин, где тут моя двухэтажная недвижимость?

И Витя повёл Любу к гаражу.

Идти, и правда, пришлось минут пять максимум. Зажглись фонари, было светло и свежо. Дневная жара ушла, уступив место вечерней прохладе.

В городе было несколько гаражных кооперативов, созданных ещё в советское время. Гаражи располагались вокруг Протвино, занимая огромные пространства. Строили их в то время из бетона, основательно. К этим гаражным городкам было подведено электричество. А на лето кое-где даже включали воду.

Подшли к воротам, окрашенным зелёной краской. Люба достала ключ, с трудом провернула его в замке.

Дверь со скрипом открылась.

Витя, зачем-то оглянувшись, скрылся за ней... Повозился где-то минуту-другую. Включил свет.

Люба с интересом шагнула внутрь. Гараж представлял собой помещение в шесть метров длиной и четыре шириной. Близнец сотен гаражей, тянувшихся слева и справа от него.

У дальней стенки стоял узкий и длинный полустол-полуверстак. Справа от него, в углу, был стеллаж с каким-то барахлом. Пахло машинным маслом и сигаретами.

Посередине гаража в пол была вмонтирована дверь. Массивная, на вид сделанная из дуба, с металлическими вставками. С глазком посередине. Вместо дверной ручки была приварена скоба.

Витя подскочил к двери. Нагнулся. С большим усилием потянул за скобу.

– Помогай, – просипел Любе.

Та подошла, помогла.

Дверь поддалась, открылась. Люба с Витей осторожно повернули её на петлях и положили на пол.

С обратной стороны дверь была обита дерматином.

Витя подошёл к стене. Щёлкнул выключателем.

Из открытого проёма вырвался свет.

Люба заглянула внутрь. Внизу была бетонная яма. Очень глубокая, как показалось Любе.

Дверь, которую они с Витей открыли, была закреплена на металлических швеллерах.

Потолком в подвале и полом в гараже служили старые шпалы, уложенные поперёк.

Прямо под дверным проёмом внизу стоял потёртый диван в голубой цветочек. В углу – деревянные стул и табуретка. На полу был уложен коричневый линолеум.

– Офигеть, – прошептала Люба, – вашу бы мужскую бы энергию да в мирное бы русло.

– Вот и я о том же, – задышал где-то сзади и сбоку Витя.

Одной рукой он схватил Любу за задницу. Второй попытался нащупать грудь. Но не успел.

Люба резко развернулась и ударила Витю под дых.

Дальнейшее, хоть и произошло мгновенно, врезалось в Любин мозг со страшной отчётливостью.

Витя крякнул, смешно открыв рот.

Люба схватила его за воротник и толкнула что есть силы вправо от себя.

Витя раскинул руки, споткнулся и грохнулся вниз, в подвал, по пути головой ударившись о железный край дверного проёма.

Раздался звук упавшего тела. Вскрик. И тишина.

Люба несколько секунд стояла в каком-то оцепенении. Или минут. Или целую вечность...

Наконец-то она пошевелилась. Осторожно подошла к краю дверного проёма. Присела. Заглянула вниз.

Виктор лежал на диване, как будто устал и прилёг отдохнуть. Вот только ноги у него были неестественно развёрнуты, и лицо заливала кровь.

– Убила... – прошептала потрясённая Люба. – При попытке изнасилования убила Витьку.

Что я теперь Гале скажу?

Она отползла от края проёма. Посидела, переводя дух.

Затем встала. Осторожно закрыла дверь в подвал. Дверь, кстати, оказалась не такой уж и тяжёлой.

Выключила свет в гараже.

Из глазка на двери, вмонтированной в пол, выбился лучик света. Выбился и устоялся в потолок. Маленьким жёлтым пятном.

Люба хотела поискать выключатель от подвала. Но не смогла. Было страшно.

Она по стеночке пробралась к гаражным воротам. Вышла. Закрыла за собой дверь. Заперла ее на замок.

Гаражный городок жил своей жизнью. Где-то играла музыка. Где-то ревел мотоцикл. Через десяток ворот компания мужиков пыталась закатить сломанные «жигули» в бокс.

Люба огляделась. Спрятала ключ в сумочку и пошла домой. Её трясло.

Лишь дома она немного успокоилась.

Попила чаю. Приняла какие-то успокоительные таблетки.

Затем Люба включила свой старенький компьютер и принялась искать статьи по ключевым словам: избавиться от трупа в гараже.

Интернет утверждал, что самый лучший способ для этого – расчленив сам труп и вывезти его по кусочкам. И делать это надо было как можно скорей.

Любе стало дурно от инструкций.

Она ещё выпила успокоительное, прилегла на тахту и уснула.

Настойка днём, перенесённый стресс и несколько таблеток вечером сделали своё дело. Организм у Любы отключился, как будто кто-то щёлкнул выключателем.

Компьютер померцал несколько минут экраном с напечатанными на нём инструкциями для преступников. А потом и он погас. Перешёл в спящий режим.

Проснулась Люба поздно.

Болела голова и ломило всё тело.

В квартире было тихо и пусто. Ребёнок у мамы на всё лето. Сегодня воскресенье. На работу не надо.

Люба, голая, прошла в ванную, залезла под душ. И тут вспомнила то, что произошло накануне.

Сразу же сделалось дурно. Как при беременности.

Закружилась голова, стало трудно дышать.

Люба насухо вытерлась полотенцем. Вернулась в комнату. Оделась.

Случайно тронула мышку. На экране высветился текст: «Затем, двигаясь от прямой кишки вверх, аккуратно рассекайте все связки и брыжейку, связывающие кишечник с телом...»

Любу затошнило.

Она убрала страницу. Открыла Яндекс. Забила новое слово: убийство.

Интернет выдал следующее: «Статья 105. От шести до пятнадцати лет лишения свободы».

Пятнадцать лет для почти тридцатилетней Любы – это было много. Да даже восемь лет было много.

Люба села на кровать и заплакала. Ей было жалко себя, Витьку, Галю. Но больше всего себя.

Плакала Люба минут десять или пятнадцать.

Затем она вытерла слёзы. Умылась холодной водой. И стала собираться.

Сделала себе пару бутербродов на всякий случай. Положила их в сумку. Туда же кинула полторалитровую бутылку с водой.

В другую сумку, повместительнее, она положила моток бечёвки, рулон пакетов для мусора, разделочный топорик и два кухонных ножа.

Подумала и добавила в сумку моющее средство и пару тряпок.

Так она и вышла из квартиры. С двумя сумками в правой руке и пустым оранжевым ведром в левой.

Дошла до гаражей, смотря себе под ноги и пугаясь любого резкого звука.

На второй линии было оживлённо. Люди ходили вперёд и назад, как будто прогуливаясь между гаражами. Слышались разговоры. Смех. Где-то у кого-то играло радио. Или телевизор.

– И чего им дома не сидится? – прошептала Люба, открывая дверь в гараж.

Юркнула внутрь и сразу же за собой заперла. На замок.

В гараже было тихо и темно. Лишь лучик света из дверного глазка бил в потолок.

Люба на ощупь нашла выключатель. Включила свет.

Поморгала.

Пахло, как и накануне, машинным маслом и куревом. На полу чернели следы от шин.

Люба подошла к напольной двери. Поднатужилась и открыла её. Осторожно положила дверь на пол, стараясь не смотреть вниз.

– Дай попить! – заорал кто-то из проёма. – Я тут с ума схожу от обезвоживания.

– Мама! – заорала в ответ Люба и бросилась к выходу, по пути снеся ведро и сумку с ножами.

Она ударилась о закрытую дверь. Повернулась, тяжело дыша. Сердце билось в груди с сумасшедшей скоростью.

– Витя, это ты? – просипела Люба, внезапно утратив голос. – Ты живой?

– Пииить, – кричал из бункера Виктор, – пить дай.

Люба бросилась к сумке. Перевернула её. Достала бутылку с водой.

Опасливо подвинулась к краю дверного проёма.

Виктор сидел на диване, задрал голову к потолку. Лицо его было в запёкшейся крови.

– Лови, – сказала Люба и бросила бутылку.

Бутылка упала вниз, как маленькая бомба, и ударила Витю по плечу, отскочив на диван.

Витя взвыл. Схватился рукой за плечо.

– Сука, – заревел он, – ты мне за всё ответишь! Ты меня чуть не убила. Ты мне ногу сломала.

После чего он схватил бутылку, открыл её и стал жадно пить.

Люба присела около дверного проёма, глядя вниз. На Витю.

Тот попил. Икнул. Аккуратно закрыл бутылку. Посмотрел вверх, на Любу.

– Пи... ц тебе, Любаша, – сказал спокойно, – готовься к казённому дому. Захват заложника, причинение телесных повреждений и покушение на убийство. Я из этого подвала сразу в полицию поеду, побои снимать.

– Побои в больнице снимают, – поправила его Люба, – в полиции показания дают.

– Ты издеваешься? – удивился Витя. – Тебе срок грозит за такие художества, а ты ещё издеваешься?

– Я плохо соображаю сегодня, – сказала Люба, вставая с корточек, – я сейчас вернусь.

Погоди.

– Ты куда?! – завопил было Витя.

Но Люба его уже не слушала. Она открыла дверь и вышла из гаража. Мобильный телефон в бетонной коробке не брал сеть.

Кстати, Витю вне гаража совсем не было слышно. Хотя он и безуспешно кричал в своём подвале, живописно рассказывая, что на зоне сделают с Любой.

А она подсоединилась к интернету.

Статья 127. Незаконное лишение свободы. До двух лет.

Статья 122. Телесные повреждения средней тяжести. До трёх лет.

Про покушение на убийство Люба даже смотреть не стала. Это было несерьёзно.

Она вернулась в гараж. На всякий случай заперла за собой дверь. Подошла к яме. Заглянула вниз.

Витя лежал на диване и смотрел вверх. Одна нога у него была разута и покоилась на спинке.

– Я не могу в тюрьму, – сказала Люба, – у меня ребёнок и мама. Мне нельзя в тюрьму.

– А придётся, – мстительно произнёс Витя, – тебя в тюрьму, а ребёнка в детдом.

В гараже наступила тишина. Как пишут в ужастиках – гробовая.

– Мне надо подумать, – прервала молчание Люба. – Ты всё равно живой. А мне надо подумать.

Она встала и взялась за дверную скобу. Подняла дверь.

– Мне в туалет надо, – вновь заныл Витя, – я тут сейчас обоссусь. Мне в туалет. И у меня клаустрофобия. Я боюсь один в подвале, Любочка.

– В туалет? – Люба положила дверь обратно. – Сейчас что-то придумаю.

Она взяла принесённое с собой пластмассовое ведро и кинула его вниз. Ведро спланировало прямо на многострадальное Витино плечо. Витя заорал.

– Извини, – сказала Люба, – я нечаянно.

И на всякий случай скинула вниз ещё и бутерброды. Чуть не уронив завёрнутый в тряпку топорик.

– Хана тебе, – бесновался Витя, – выберусь – я тебя в асфальт закопаю! Ты мне до конца жизни пособие будешь платить. Не закрывай, сучка! Я боюсь подвалов.

Но Люба уже опустила тяжёлую дверь в проём. Голос Вити стал еле слышен.

Люба подумала, выключать или нет свет в подвале. Решила, что не стоит.

Вышла из гаража. Заперла за собой.

Дома тщательно убрала квартиру. Всё пропылесосила. Вымыла посуду, полы, окна.

Затем сходила в магазин, купила продуктов.

Приготовила салат оливье и холодец из говядины.

Холодец в трёх мисках поставила в холодильник. Оливье поклевала сама.

Потом легла спать.

Лежала в кровати и думала: что делать?

Самым правильным вариантом было ещё вчера пойти в полицию и сказать, что Витя сам свалился в яму.

Но она это почему-то не сделала. А сегодня всё запуталось ещё сильнее.

Так в раздумьях Люба и уснула.

Проснулась она от звонка будильника.

Вскочила, почистила зубы, умылась, оделась. Вышла из дома. Через 10 минут была на работе.

Работала Люба продавцом в универмаге «Восход». С полдевятого до четырёх.

Ровно в 16.00 Люба выпорхнула из-за кассы. Сбегала домой. Переделась. Уложила в пакеты холодец и оливье. Положила две бутылки с водой. Подумала и добавила туалетной бумаги, кусок ваты и перекись водорода.

Вышла из дома. Телефонный звонок от Гали.

Поболтали немного о разном. После чего Люба отключила телефон. Рассказывать Гале, что её муж сидит в подвале Любиного гаража, она не стала.

По дороге к ней пристал какой-то мужик на велосипеде. Лет под 50, с растрёпанной шевелюрой и в трениках.

– Девушка, а девушка, – говорил он, нарезая круги вокруг идущей Любы, – давайте я вам помогу. Сумки-то тяжёлые.

– Идите в задницу, – лучезарно улыбнулась ему в ответ Люба.

– Эх, да я б с удовольствием, – вздохнул мужик, объезжая женщину сзади.

Но оставил Любу в покое.

Она подошла к гаражу. Открыла дверь. Занесла сумки внутрь. Включила свет.

Витя встретил её истеричными криками.

– Выпусти меня отсюда! – надрывался он. – Я с ума схожу. Тут за стенкой кто-то есть. Кто-то скребётся.

– Я тебе поесть принесла, – спокойно сказала Люба своему пленнику, – отойди от дивана, а то опять зашибу.

Витя заткнулся. Встал с дивана и отошёл в угол, приволакивая ногу.

Люба сбросила ему вниз бутылки с водой.

Хотела бросить и еду в пакетах, но подумала, что они могут лопнуть.

Поискала на верстаке и на стеллажах. Нашла моток бельевой верёвки.

Привязала пакеты к верёвке и аккуратно спустила их вниз.

Витя принял пакеты. Сразу же залез в них и начал есть. Руками.

Люба потянула верёвку наверх.

– Подожди, – остановил её Витя, – ведро заberi. Воняет.

Действительно, из подвала подванивало.

Витя привязал ведро к верёвке и поднял большой палец вверх.

Люба вытащила ведро. На дне его плескалась жёлтая жидкость. А в ней плавали две кашки коричневого цвета. Аккуратные и одинаковые, как две сосиски.

Стараясь дышать ртом, Люба накрыла ведро газеткой и вышла наружу. Через несколько боксов стоял контейнер. Куда она и вылила вонючее содержимое.

Люба хотела было помыть ведро, но около крана с водой стояли какие-то мужики. Курили, смеялись.

Она вернулась в свой гараж. Закрылась.

Спустила ведро обратно в подвал. Кинула вниз туалетную бумагу в пакетике с перекисью водорода и ватой.

– Любочка, – жалостливо попросил Витя, – выпусти меня отсюда. Я никому ничего не расскажу. Я боюсь. Тут за стенкой кто-то есть. Кто-то злой.

– Вить, не придуривайся, – устало сказала Люба, – ты же взрослый мужик. Тут за стенкой или песок, или такой же подвал.

– У меня клаустрофобия, – всхлипнул Витя, – я не могу тут сидеть. Тут кто-то есть. Он придёт за мной. Выпусти меня, пожалуйста.

– Я должна подумать, – вздохнула Люба, – и что-то обязательно придумать. Сейчас я не могу тебя выпустить. Ты в полицию заявишь. А я не хочу в тюрьму.

– Не заявлю, – подал голос Витя, – я тебя простил. Ты же не специально меня в яму столкнула.

– Не специально, – подтвердила Люба, – но вчера ты совсем другое говорил. Так что посиди ещё немножечко. Хочешь, я тебе пирожков испеку? С повидлом.

– Хочу, – после минутной паузы ответил Витя, – мне Галка с повидлом пирожки делала. Очень вкусные.

– Это я её научила, – похвасталась Люба, – я её многому научила. Она же у меня как младшая сестра.

– Да что ты говоришь? – удивился Витя. – Ты такая умница. Выпусти меня отсюда, пожалуйста.

– Нет, – отрезала Люба, – я же сказала уже. Посиди немного. Тебе свет выключить или оставить?

– Нееет, – взвизгнул Витя, – ни в коем случае не выключай. Они меня заберут в темноте. Не выключай.

– Хорошо, хорошо, – ответила Люба и закрыла дверь в подвал.

Отошла в сторону. Хотела было уже выйти, как увидела, что из-под двери подвала тянется кусок верёвки. Другой конец которой был привязан к ведру. Внизу у Вити.

Люба на минуту задумалась. Снова открывать тяжёлую дверь? Слушать Витькины вопли? Или оставить как есть? Всё равно он ничего не сможет сделать.

Люба вышла из гаража. Закрыла его. Пошла домой.

Утром всё то же самое. Подъём. Чистка зубов. Завтрак. Работа.

После работы Люба испекла пироги. Отнесла их в гараж. Взамен получила ведро с мочой и двумя аккуратными кашками.

Витя сидел на диване и ныл, что кто-то его хочет убить и что он скоро сойдёт с ума.

Но Любе казалось, что это она сходит с ума. Держит в подвале Витю. Носит ему еду. Убирает за ним. И не знает, что делать дальше.

Среда и четверг прошли так же, как и предыдущие дни.

В пятницу Люба сварила Вите борщ. Налила его в уже ставший привычным полиэтиленовый пакет. В другой пакет положила пластмассовую кружку и деревянную ложку. Металлические предметы Вите она почему-то опасалась давать.

Витя похлебал борща. Дождался, пока Люба спустит чистое ведро вниз.

– Ты когда меня освободишь? – спросил деловито. – Меня же хватятся рано или поздно.

– Пока никто не хватился, – ответила Люба, – по крайней мере, мне о твоих поисках ничего неизвестно. Город занят другими проблемами.

– Чем больше я тут сижу, тем хуже тебе будет, – буркнул Витя, – вот увидишь. Сама себе могилу роешь.

– Успокойся, всё будет хорошо, – сказала Люба, – мне надо подумать, и я что-то придумаю.

– Я спокоен, – закричал ей в ответ Витя, – я-то спокоен. Чего мне волноваться? Сижу в тёмном подвале со сломанной ногой. Жрать носят, дерьмо забирают. Не жизнь, а развлечение.

– Я не могу тебя выпустить, – вздохнула Люба, – не на верёвке же тебя вытягивать.

– В гараже лестница есть, – произнес немного успокоившийся Витя, – посмотри. Под верстаком.

Люба встала. Действительно, под верстаком, укутанная в брезент, лежала складная лестница.

– А ты откуда про неё знаешь? – спросила она у Вити.

– Раз есть яма, значит, должна быть лестница, – ответил Витя, – я просто предположил. Дедукция. Не просто же так тут диван стоит? Как-то его сгрузили.

Люба с сомнением посмотрела на Витю. Но ничего не сказала.

Закрыла дверь в подвал. Послушала еле слышные крики Вити в её адрес. Вышла из гаража.

Постояла на свежем воздухе. Поглядела в темнеющее небо.

Впереди было два свободных дня. Два дня выходных.

Люба хотела съездить на эти дни к маме и ребёнку. Отдохнуть в деревне. Повалиться на солнышке.

Но ничего не получится. Надо будет завтра опять идти в этот проклятый гараж. Кормить Витю, вытаскивать надоевшее ведро с его мочой и говном...

Люба вернулась в гараж. Открыла дверь в подвал.

Витя лежал на диване, глядя вверх, на Любу.

– Ты всё-таки решила мне отдаться? – спросил он. – Действительно, чего мужика просто так без дела держать? Спускайся ко мне, порезвимся.

– Откуда ты знал про лестницу? – спросила Люба, поморщившись.

– Какая лестница? – Витя сделал удивлённое лицо. – Я ничего не знал. Я просто предположил. Бери эту лестницу и спускайся ко мне.

– Откуда ты знал про лестницу? – повторила свой вопрос Люба. – Ты знал про неё.

– Иди в задницу, – ответил Витя и повернулся на бок.

– Я-то пойду, – пробурчала Люба, закрывая дверь, – а ты пока без света посиди ночь. Глядишь, сговорчивее станешь.

– Нееет, – заорал снизу Витя, – только не это. Не надо. Я не хочу умирать...

Но Люба уже щёлкнула выключателем. Вначале тем, который отключает свет в подвале. А потом тем, который гасит его в гараже.

Из подвала доносился еле слышный вой.

– Голос сорвёшь, – буркнула Люба.

Она вышла из гаража. Заперла его и пошла домой.

Спалось ей плохо. Снился Витька. Как будто он сидит у неё в ванне. Весь грязный. Пахнет от него мочой и немытым телом. А Любе надо его помыть. Но она боится зайти в ванную. Потому что не знает, живой Витька или нет.

Проснулась Люба рано. Вся мокрая. Невыспавшаяся.

В ванной никого не было. Ни Виктора, ни его запаха.

Утренний кофе немного взбудрил.
Люба оделась. Кинула в пакет уже привычные пару бутылок воды, бутерброды.
Остановилась перед входной дверью. Подумала минуту.
Выложила воду. Бутерброды убрала в холодильник.
Витю надо было отпускать.
Приняв это решение, Люба почти бегом побежала к гаражам.
От непривычки запыхалась. Бега хватило на два квартала. Дальше уже шла быстрым шагом.

Подошла к воротам. Открыла гараж.
От двери в подвал по полу тянулась белая бельевая верёвка.
Люба рывком открыла эту проклятую дверь, опрокинула её на сторону. Зажгла свет.
– С вещами на выход! – прокричала.
Внизу было тихо. Люба свесила голову в подвал.
Диван. Стул в углу, табурет. Ведро с тянущейся наверх верёвкой.
Она потянула за верёвку. Достала ведро.
На доньшке жёлтая жидкость. И две кашки.
Люба на автомате вышла из гаража. Дошла до контейнера. Вылила содержимое. Вернулась обратно. Ведро кинула в угол.

– Витя, – позвала она, – выходи. Я знаю, ты прячешься под диваном.

Тишина.

Тишина, ясно дающая понять, что внизу никого нет.

Люба закрыла гараж. Вытащила из-под верстака лестницу.

Повозилась с ней, пытаясь понять, как та раскладывается.

Поняла. Разложила.

Спустилась вниз.

В подвале воняло. Немытым телом и нечистотами.

Под диваном никого не было.

Дрожа от страха, Люба поднялась наверх.

Закрыла дверь подвала. Выключила свет. Вышла наружу.

Светило солнце. Пели птицы.

Мимо промчался какой-то джип, из раскрытых окон которого гремела музыка.

Прошли двое молодых ребят, с любопытством оглядев застывшую Любу.

Та очнулась от их взглядов. Закрыла гараж на замок.

Когда шла домой, её трясло. На коже выступили мурашки. И было больно дышать.

У себя в квартире Люба первым делом открыла окно, впустив в комнату свежий дух жимолости, растущей под окном.

Жила Люба на первом этаже, на Молодёжном проезде. В маленькой, но уютной, как она считала, квартирке.

Послonyaвшись по этой своей квартирке пару часов, Люба позвонила Гале.

Та обрадовалась звонку. Начала приглашать в гости. Но Люба сослалась на занятость и повесила трубку.

Потом позвонила Жене. Хотя не разговаривала с ним уже несколько месяцев. Тот ответил не сразу. Сказал, что за городом, и перезвонит в понедельник.

«Бабу себе нашёл уже, не местную, – подумала Люба. – Не может он говорить, видите ли...»

Остаться одной дома уже не было никаких сил.

Люба собралась и отправилась гулять. По городу. Обошла его вдоль и поперёк. Прошла все магазины, потолкалась на базаре. Уже ближе к вечеру зашла в церковь. Где долго стояла

в углу, вспоминая молитву. Но дальше «да святится имя твоё, да придёт царствие твоё» у Любы вспомнить не получалось.

Ночью опять приснился Витя. Он сидел уже не в ванной, а на кухне. Такой же грязный и вонючий, как в предыдущем сне.

Витя был грустный. Он тихо плакал и постоянно повторял: «Забрали они меня, я же говорю, не выключай свет».

– Кто они? – спрашивала Люба.

Но Витя не отвечал, а только плакал.

Утром Люба по привычке вскочила рано. Умылась, оделась.

К гаражу шла долго. Останавливаясь у каждого столба.

Наконец-таки дошла.

Открыла гараж. Включила свет. И медленно осела на пол.

От дверного проёма по полу гаража из-под закрытой двери тянулась бельевая верёвка.

Люба на четвереньках подползла к этой проклятой двери, приподняла её. Заглянула вниз.

Рядом с диваном стояло ведро. Привязанное к этой самой веревке.

Как замороженная, Люба вытащила ведро.

В нем в моче плескались две какашки. Коричневые и аккуратные. Такие же, как вчера и позавчера.

Люба поднялась, взяла ведро, вышла наружу. Выкинула ведро в контейнер. Вместе с верёвкой.

– Этого не может быть, этого не может быть... – шептала Люба, идя домой, – этого не может быть...

Она отчётливо помнила, что накануне швырнула ведро в угол гаража.

Как оно могло оказаться в подвале, да ещё и с Витькиным дерьмом?

В квартире Люба постаралась взять себя в руки. Приняла контрастный душ. Попила чаю с мятой. Немного успокоилась.

Затем принялась гладить. Перегладила всю одежду ребёнка, постельное бельё, своё.

Однотонная работа хоть ненадолго, но отвлекала от мыслей.

Люба помыла полы. Вытряхнула ковёр во дворе. Прогулялась в близлежащий магазин.

Накупила продуктов на неделю.

Но всё это не помогло. К вечеру её опять стало трясти.

Она походила по квартире из угла в угол. И не выдержала. Пошла к гаражам.

Было ещё светло. Как и неделю назад, когда она встретила с Витей около дома Гали.

Люба отперла гараж. Открыла нараспашку ворота.

И сразу же увидела верёвку. Которая, как змея, извивалась по полу от двери подвала.

Люба тихо завывала. Совсем тихонечко, почти неслышно.

Она щёлкнула выключателями. Откинула дверь в подвал.

Диван.

Рядом с диваном ведро. И от ведра тянувшаяся вверх верёвка.

Люба вытащила ведро.

Две Витькины какашки весело плавали на поверхности его же мочи.

Люба поставила ведро в сторону. Посидела, раскачиваясь.

– Я больше не буду, – сказала кому-то в подвал.

Подвал ответил тишиной.

Люба встала. Отряхнулась. И пошла домой, не глядя по сторонам и слегка шатаясь.

Эту дорогу она уже знала наизусть. Целую неделю ходила по ней.

А гараж так и остался раскрытый нараспашку.

Пока добрела до дома, стемнело.

Люба зашла в квартиру. Включила везде свет. Приняла душ.

Надела чистую ночную рубашку. Расчесалась. Завязала волосы в пучок.

Было страшно.

Люба долго искала в кухонных шкафах верёвку. Но обнаружила её только в коробке на антресолях. Настоящую, пеньковую. Её купили ребёнку, когда тот увлёкся вязанием морских узлов. Но увлечение прошло, а вот верёвка осталась.

Люба ловко сделала скользящий узел.

Поставила стул. Залезла на него. Сняла люстру, безжалостно обрезав провода. Включила торшер, чтобы было светло.

Свободный конец верёвки закрепила на крюке, торчащем из потолка.

Крюк не выглядел надёжным. Но искать другое место для повешения не было ни сил, ни желания.

Люба набросила петлю на шею. Постояла, раскачиваясь на стуле.

И вдруг услышала шум. Со стороны окна.

Люба обернулась.

В окно лез Витька, по пути сшибая расставленные на подоконнике кактусы.

– Стой, стой! – кричал он.

– Мамачки! – завопила Люба, хватаясь за петлю двумя руками.

Она инстинктивно отпрянула от окна. Стул под ней поплыл куда-то в сторону, а потом и вовсе отлетел к торшеру. Крючок гнулся, потолок над ним трещал. Но ничего не ломалось.

Люба повисла на верёвке, хрипя и вертясь, как червяк. До пола не хватало каких-то пару сантиметров. Лёгкие разрывало от недостатка кислорода.

Её крутило против часовой стрелки, показывая то воюющего с кактусами Витьку, то накренившийся торшер, то дверь в ярко освещённый коридор.

Когда сознание начало покидать Любу, кто-то большой и чёрный выпрыгнул из коридора, схватил Любу за бёдра и поднял её вверх.

Люба рванула петлю, освобождая горло. Сделала глубокий вдох.

И увидела Виктора. В одной руке у него был нож. В другой стул.

Люба захрипела и описалась. Со страха.

Горячая струя ударила в ночнушку, пробила её и угодила прямо в лицо бывшему мужу. Женьке. Именно он поднял Любу и держал её за ноги, уткнувшись лицом ей в пах.

– Режь верёвку быстрее, придурок! – заорал Женька. – Она тяжёлая. Я долго не выдержу.

Витя поставил стул. Дотянулся до верёвки и ловко перерезал её.

Любу положили на кровать. Напоили чаем. Переодели.

Говорить она не могла. Только шептать. Поэтому пришлось говорить Жене.

Он рассказал, что второй ключ от гаража он оставил у себя. И периодически загонял в него машину. Люба ведь всё равно там не появлялась уже полгода.

И в ночь с пятницы на субботу он тоже поставил машину в гараж. И услышал крики товарища. Вытащил того из подвала.

Нога, кстати, у Вити была не сломана. Он её просто-напросто подвернул. Да и рана на голове – сотрясение мозга и рассечение.

Витя хотел сразу же пойти в полицию, но Женька уговорил его не делать этого.

Приятели решили проучить Любу. Напугать её.

Напугали.

Когда увидели раскрытый настежь гараж, то поняли, что переборщили. Успели вовремя.

– А как ты в квартиру попал? – спросила Люба у Жени шёпотом.

– Так у меня и от квартиры дубликат есть, – смутился тот. – Витька в окно полез тебя спасать, а я через подъезд кинулся.

– У меня претензий нет, если что, – сказал Витя, – я сам виноват.

– Прости меня, Витя, – прошелестела Люба, – я запуталась.

– Бывает, – сказал Витя и засобирился уходить.

– А я останусь, – сказал Женя. – Любу нельзя сейчас оставлять одну. Да и помыться мне не мешает.

– Оставайся, – сказал Витя, – ей сейчас одной нельзя.

И уехал в свою общагу.

А Женя пошёл в ванную. Где долго мыл голову разными шампунями.

Когда он вернулся, Люба ещё не спала.

Через несколько дней Женя зашел в общежитие за вещами и переехал жить к бывшей жене. Ребёнок, вернувшийся от бабушки, был очень этим доволен. Бабушка не очень.

Витя попытался помириться с Галей. Но ему это так и не удалось. Она не смогла простить ему его измену.

Проститушка

Влюблённый мужчина глух и слеп. Слеп и глух.

А Андрей был влюблён. Влюблён настолько, что не замечал очевидных вещей: его избранница, мягко говоря, слаба на передок.

Но Андрей считал, что это всё сплетни. Что не может Таня его предать. Ведь она такая прекрасная, такая незащищённая, такая доверчивая.

Слепота, глухота и любовь Андрея исчезли одновременно. Когда он застал у себя дома их общего знакомого, Серёгу.

Мозг в голове Андрея по привычке послал команду: «этого не может быть». А глаза смотрели, как Серёга, не попадая одной ногой в штанину, плясал перед ним, пытаясь одеться.

– Да я чаю зашёл попить, – быстро говорил Сергей, раздражённо трясая ногой, – а твоя Танька мне чай на брюки вылила. Вот и пришлось раздеваться.

– А Таня зачем разделась? – поинтересовался Андрей.

– Я откуда знаю? – ответил Сергей, наконец-то совладав со штанами. – Это ты у неё спроси. Я буквально на минуту отвернулся. А она уже голая. Я ни при чём.

– Носки не забудь, – посоветовал Андрей Сергею, – и захлопни за собой. Дверь.

– Захлопну, – пообещал тот, прыгая на одной ноге по направлению к двери.

Он одновременно надевал носки и шёл к выходу. Хотя практичнее было бы вначале надеть их и потом уже выйти.

– Он меня изнасиловал, – заявила кутавшаяся в одеяло Таня, – я не виновата.

– Клевета! Она сама дала! – крикнул уже откуда-то из коридора Серёга и хлопнул дверью.

– Оденься, – сказал Андрей Тане.

Он прошёл на кухню. Налил себе водички из-под крана в гранёный стакан. Сел за стол.

На столе лежала доска, нож и порезанные хлеб с колбасой.

Татьяна появилась на кухне через пять минут. Уже одетая. В какую-то маечку и короткую юбку.

– Это ты во всём виноват, – заявила она с порога, – я целыми днями...

– Собирай вещи и проваливай, – перебил её Андрей.

– Тебе надо, ты и собирай, – огрызнулась Таня, – и сам проваливай.

Андрей медленно взял кухонный нож. И почти без замаха бросил его в сторону жены. Нож воткнулся в притолоку над Таниной головой.

Татьяна ойкнула и скрылась в глубине квартиры.

Андрей сидел и пил воду. Смотря в окно и прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнаты.

Через полчаса Таня мелькнула в коридоре с какими-то свёртками и баулами. Ещё минут пять она что-то вытаскивала на лестничную площадку с подругой, которую вызвала по телефону. Потом хлопнула дверью.

В квартире наступила тишина. Звонящая тишина. Когда слышно только, как бьётся твоё сердце.

Андрей допил воду. Сходил в туалет. Зашёл в комнату.

Таниных вещей не было. Не было утюга, подставки под него. Не было пылесоса и ноутбука.

И ещё не было занавесок.

«Занавески-то ей зачем? – удивился Андрей. – Они же старые уже. Ладно, ноут почти новый. Но занавески?!»

Андрей подмёл пол обнаруженной в кладовке щёткой. Затем помыл его. Во всей квартире.

Поменял постельное бельё. Хорошо, что нашёл комплект из белорусского ситца, подаренный им на свадьбу дальними родственниками.

Подумал, мыть ли окна? Но решил оставить это до более тёплых дней.

Приготовил себе ужин. Поел.

И лёг спать.

В голые окна светил качающийся на ветру фонарь. От его света казалось, что в квартире кто-то, кроме Андрея, есть. Кто-то ходит из одного угла в другой.

Приснилась Андрею Танька. Голая, она валялась в их кровати. Хихикала. Корчила Андрею рожи и призывно манила к себе.

Она ему потом снилась практически каждую ночь. И обязательно голая.

Утром Андрей вставал разбитым, невыспавшимся. Злым и несчастным. И с огромным желанием вернуть всё как было. Вернуть жену, вернуть семью, вернуть то счастливое время, когда он был глух и нем.

Но время лечит. И сны с Танькой стали всё реже и реже. А Андрей спокойнее и выдержаннее.

Он отбил атаки своих и её родственников, хотевших помирить их. Отбил две попытки Таньки вернуться к нему. Сменил замки. Поменял симку в телефоне.

Жить одному было даже в чём-то приятно. Да, серо и одиноко. Зато никаких проблем. Сам себе господин, сам себе хозяин.

Единственное, что доставляло неудобство, это отсутствие секса. С женщинами познакомиться у Андрея не получалось.

Он зарегистрировался на парочке сайтов знакомств. Поставил в поиск свой город. И принялся писать более-менее симпатичным дамам примерно его возраста.

90 процентов из них вообще не ответили Андрею. А кто ответил, те очень удивили Андрея.

Большинство вопросов было о его заработке. Живёт ли он один? Есть ли у него квартира? Интересовались маркой его машины. Платит ли он алименты?

Андрей честно ответил на все вопросы. И письма прекратились.

Никого не интересовал разведённый мужчина 30 лет без машины для разовых встреч. Хотя и живущий в своей однокомнатной квартире. Женщины хотели молодых накачанных миллионеров, с радостью готовых воспитывать чужих детей.

Угробив ещё пару вечеров на бесплодные поиски, Андрей решил воспользоваться старым, как и весь этот мир, способом. Вызвать на дом проститутку.

Уселся вечером около компьютера. Открыл браузер. Нашёл через Гугл парочку сайтов.

Жриц любви в городе оказалось не просто много, а очень много. Андрей просматривал страницу за страницей и не мог выбрать.

Девушки и женщины самого разного возраста. От 18 до 50. Худые и толстые, в одежде и без. Попались даже две или три негритянки. Лица у многих были заретушеваны.

Средняя цена за час составляла две с половиной тысячи рублей. Ночь – пятнадцать тысяч. – Однако, – пробормотал Андрей, – овёс-то нынче дорог. Простому инженеру не по карману будет. Разве что раза два в месяц себя баловать.

Сам он получал 65 000 рублей. Не много, но и не мало по владивостокским меркам.

Андрей просмотрел всех кандидаток, но так и не смог решиться. Он уже собрался было закрыть окно браузера, как вдруг обнаружил новое лицо. Видимо, анкета добавилась, пока он просматривал остальных кандидаток.

Милое личико. Натянута улыбка. Лет 25 примерно. Внизу пометка: впервые на сайте. Имя – Элеонора. Именно так – с двумя Л и Р. Условия – только выезд.

Андрей кликнул на кнопку с телефоном. Появился номер. Сотовый.

Андрей достал свой телефон, вбил номер с сайта. Нажал на вызов.

Первый гудок, второй, третий.

Андрей почему-то вспотел. Занервничал.

Наконец, на седьмом гудке трубку подняли.

– Слушаю, – произнес испуганный женский голос, – Элеонора слушает.

– Я хотел бы заказ сделать, – осипшим голосом сказал Андрей, – на час. С выездом.

– Хорошо, – ответила девушка, – я приеду. Вы где живёте?

Андрей продиктовал адрес.

– Ой, это совсем рядом, пешком можно дойти, – обрадовался женский голос, – 500 рублей ещё за машину.

– Так если пешком можно дойти, зачем за машину платить? – поинтересовался Андрей.

– Это водитель-охранник, – пояснила девушка, – он меня будет в машине этот час ждать. Хоть пешком, хоть на колёсах. Всё равно.

– Хорошо, – согласился Андрей, – я дома. Через полчаса жду вас.

– Договорились, – опять испуганно ответила девушка и отключилась.

Андрей заметался по квартире.

Зачем-то включил недавно купленный пылесос. Затем быстро убрался на кухне. Достал кусок колбасы. Наделал бутербродов.

Налил в чайник свежей воды. Поставил на плиту.

Встал у окна. За окном шёл снег. В коробке двора светили три фонаря. Четвёртый почему-то не горел. Хотя, сколько помнил Андрей, он всегда не горел. Слева, на первом этаже, мерцала зелёным аптека.

В голову полезли стихи Блока: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

В доме напротив открылась входная дверь. Вышла женщина. Постояла нерешительно несколько мгновений и пересекла двор. Вошла в его подъезд.

Через несколько минут в прихожей тренькнул звонок.

Андрей вошёл в коридор, подошёл к входной двери. Открыл.

На пороге стояла невысокая девушка. Та, из дома напротив. Светлый пуховик, вязаная шапочка с оленями, меховые сапожки.

На ту, из протитуточного сайта, она была совсем не похожа. Сходство было, но весьма отдалённое.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Здравствуйте, – ответил Андрей. – Элеонора?

– Кто? – вздрогнула девушка.

– Вы Элеонора? – уточнил Андрей.

– Ах да, это я, – кивнула девушка. – Вы одни?

– Один, – подтвердил Андрей, – проходите. Раздевайтесь.

– Как? Прямо сразу? – испуганно спросила девушка, делая шаг в прихожую. – Можно я хотя бы руки помою?

– Я имел в виду верхнюю одежду, – смутился Андрей, закрывая за Элеонорой дверь, – не совсем и не всю одежду. Совсем потом... наверное. А руки помыть в ванной. Я провожу.

И Андрей, сделав несколько шагов, открыл дверь в ванную. Включил там свет.

Оглянулся. Элеонора стояла возле входной двери, маленькая и беззащитная. И испуганная.

– Можно, я хотя бы разуюсь? – спросила она, оглядываясь.

– Да, конечно, – ответил Андрей.

– А стульчика у вас нет? – спросила девушка. – А то у меня замок в правом сапоге заедает.

– Нет, – ответил Андрей, – но я вам помогу.

Он встал на колени перед Элеонорой и помог ей стащить с ног сапоги.

Затем проводил девушку до ванной. Где она помыла руки. Вытерла их.

– Чай, кофе? – предложил Андрей.

Чувствовал он себя при этом если не идиотом, то явно не уверенно. Он никогда раньше не заказывал проститутку на дом и понятия не имел, что и как надо делать.

– Да какой кофе на ночь, – махнула рукой девушка, – тем более давление может подняться. И не уснёте потом. А от чая не откажусь.

Было видно, Элеонора тоже не в своей тарелке.

– У меня друг в Китае живёт, – затараторил Андрей, – он мне присылает различные виды. То, что у нас в магазинах продаётся, это же невозможно пить. А чай – это благородный напиток. Это тысячи сортов. Каждая провинция имеет свой вкус, свой цвет. Кто-то специализируется на пуэре, кто-то на зелёном чае. Вы какой предпочитаете?

– Мне обычный, чёрный, – ответила Элеонора, усаживаясь на кухне.

– Сейчас всё будет.

Андрей достал деревянную коробку с набором для чайной церемонии. Принялся заваривать душистый напиток. Элеонора смотрела на его действия с интересом. Сидела она на краешке стула, будто готовая в любой момент вскочить и убежать.

– А водителя вашего чай попить не позовёте? – вдруг зачем-то спросил Андрей.

– Какого водителя? – не поняла девушка.

– Ну, вы же по телефону говорили, что на машине приедете с водителем-охранником, – напомнил ей Андрей.

– А-а-а, это, – девушка на мгновение замялась, – он в машине остался. За углом. У него там зажигание барахлит. Вот он сидит и чинит.

– Что чинит? – спросил Андрей.

– Зажигание чинит, – тихо ответила Элеонора.

Было видно, что врать она не умеет.

– Зажигание – это серьёзно, – помолчав, ответил Андрей, – очень серьёзное дело – зажигание.

– А вы, кроме чая, чем ещё увлекаетесь, – перебила его девушка, – и кроме работы?

Андрей задумался.

– В детстве монеты собирал, – сказал он, – дореволюционные. У меня приличная коллекция была. А сейчас... Сейчас сказки пишу. Для детей.

– Ой, как здорово, – Элеонора чуть не смахнула чашку с чаем, которую перед ней поставил Андрей, – публикуетесь где-то?

– Нет, – покраснел Андрей, – я для себя пишу. Для своих будущих детей. В стол, как говорится.

– А мне покажете? – спросила девушка. – У меня сыну пять лет. Я ему уже всю классику перечитала. Пушкина, Крылова, Андерсена.

– Ну, не сейчас же, – перебил её Андрей, – вы, вроде, не за этим же сюда пришли. Не за сказками.

– Ой, извините, – покраснела Элеонора, – и правда, что это я?

– Кстати, – Андрей посмотрел на часы, – а время с какого момента идёт? И деньги когда платить?

– Да время как начнём, – тихо ответила Элеонора, – а деньги сначала. Можно сейчас.

– Вот, – Андрей протянул ей сложенные три купюры по тысяче рублей.

– Спасибо, – Элеонора взяла деньги и быстро спрятала их в сумочку, – спасибо большое.

– Пожалуйста, – ответил Андрей. – Хотите бутерброды?

– Да, – ответила девушка, – спасибо большое.

– Пожалуйста, – ответил Андрей.

Ситуация получалась какая-то дурацкая. Он пригласил в гости проститутку, которая, как оказалось, живёт в доме напротив. И вот, вместо того чтобы сейчас кувырнуться в кровати, они пьют на кухне чай с бутербродами.

– Может, что-нибудь покрепче? – предложил Андрей.

– Нет, что вы, – испуганно ответила Элеонора, – я на работе не пью.

Андрей не мгновенно завис, переваривая то, что ему только что сказали. И через секунду скорчился от хохота. Он смеялся, не в силах остановиться.

Элеонора вначале удивлённо смотрела на Андрея. Потом она улыбнулась. Хихикнула. И тоже рассмеялась.

Смех у неё был замечательный. Как будто колокольчик звенел.

Смеялись минут десять. Андрей вроде бы успокаивался. Вдыхал, набирая полные лёгкие воздуха. И опять заходился в хохоте. Элеонора тут же подключалась со своим колокольчиком. На глазах у неё выступили слёзы. Личико покраснелось.

В конце концов оба успокоились.

– Вот насмешила так насмешила, – сказал Андрей, – я такое в первый раз слышу.

– Судя по всему, ты и девушку первый раз в жизни заказываешь, – отозвалась Элеонора. – Жену-то куда дел? Захотел до смерти?

– Жену? – Андрей на несколько секунд замолчал. – Это не я её захотел, это она надо мной посмеялась.

И он принялся рассказывать незамысловатую и короткую историю своей семейной жизни. Про Таню, про боль от её измены, про Серёгу, про чёрную дыру в груди, про снятые занавески... Рассказывал так, как не рассказывал никому другому. Ни друзьям, ни родственникам. Рассказывал совсем постороннему человеку.

Элеонора слушала, чуть приоткрыв рот. Не перебивала. Просто смотрела широко раскрытыми глазами на Андрея и слушала.

– Вот я и живу один, – закончил Андрей. – Всё хорошо, да вот половой вопрос беспокоит. Поэтому и позвал тебя.

– Извини, я не знала, – произнесла Элеонора, – я не знала, что у тебя с женой так случилось.

– Случилось и случилось, – Андрей махнул рукой, – дело житейское. У тебя-то самой куда муж делся? Муж объелся груш. С другой загулял или что?

– Он умер, – тихо сказала Элеонора, – полгода назад.

– Извини, не знал, – Андрей виновато дотронулся до руки девушки, – правда, я не хотел.

– Да ничего, – ответила Элеонора, – не извиняйся.

Они помолчали. Рука Андрея так и осталась лежать на руке девушки.

– Он наркоман был, – внезапно начала свой рассказ Элеонора, – от передозировки и скончался. Я когда замуж за него выходила, не знала об этом. Да и потом не знала. Догадываться начала, когда уже сын родился. Думала, что смогу его спасти. А он мне врал постоянно. Нигде не работал. Целыми днями где-то пропадал.

Элеонора вздохнула тяжело. Взглянула Андрею прямо в глаза.

– Он из дома всё ташил, – продолжила она, – всё что под руку попадётся. Даже обручальные кольца унёс. Представляешь, с меня со спящей снял обручальное кольцо. И сказал, что я его сама потеряла. Врал. Врал до самой своей смерти.

– Все врут, – отозвался Андрей, – кто-то меньше, кто-то больше. Это природа человека.

– Я не вру, – ответила Элеонора, – я тебе правду говорю.

– Ну, ты же наврала про водителя, который зажигание чинит, – улыбнулся Андрей, – а говоришь, что не врёшь.

Элеонора вспыхнула. Покраснела.

– Это я для безопасности, – сказала она, – я же не знала, к кому иду. Вдруг ты бандит или вас тут целая квартира извращенцев?

Андрей грустно улыбнулся.

– Я тут один извращенец, – сказал, – вместо секса о своих рогах рассказываю. А ты, девонька, судя по всему, тоже в первый раз.

– Да, – Элеонора так же горько усмехнулась, – ты мой первый клиент. И первый блин не комом. И чаем напоил, и бутербродами накормил. Спасибо.

– Меня зовут Андрей, – Андрей протянул руку.

– Лариса, – ответила девушка и пожала протянутую руку.

– А я только было к Элеоноре привык, – сказал Андрей, – а тут Лариса. Красивое имя. Можно вопрос?

– Спрашивай, – Лариса подпёрла кулачком подбородок.

– Зачем тебе это надо? – Андрей постарался подобрать слова. – Вот этот вызов? Точнее, вызовы. После меня ведь будут другие. Не противно будет этим заниматься? Ведь я же вижу, что это не твоё. Ты же нормальная.

– А у меня нет выбора, – устало ответила Лариса, – просто нет выбора. Ты думаешь, мне хочется этим заниматься? У меня просто нет ни выбора, ни выхода. Мне деньги нужны. У меня ребёнок. Он кушать хочет.

– Всегда есть выбор, – перебил её Андрей, – деньги не главное в этой жизни.

– Не главное, – согласно кивнула Лариса, – конечно, не главное. Но без них тоже невозможно.

– Можно перезанять, устроится на другую работу... – начал было перечислять Андрей.

– Я на двух работах работаю, – опять перебила его Лариса, – и я хороший работник, между прочим. Меня ценят. И зарплаты нормальные. Но мой бывший муж наделал долгов перед смертью. Наркотики – это недешёвое развлечение. А за долги надо платить. Вот я и плачу. Кредиты не только на него оформлены. Но и на меня тоже. И за квартиру надо платить. Мне завтра надо отдать десятку. Кровь из носа. Иначе нас на улицу выгонят с ребёнком. А занять мне не у кого. Я и так должна всем сослуживцам и всем знакомым, кого знаю.

– Большие долги-то? – помолчав, спросил Андрей.

– Где-то около двухсот тысяч осталось, – ответила Лариса, – я где смогла, там договорилась. А тут с квартиры попросили. У меня долг за месяц. Завтра крайний срок.

– И ты решила торгаться телом, – невесело пошутил Андрей, – чтобы закрыть долги бывшего мужа. Трешак какой-то. Ты чего себе такого мужа-то выбрала? Получше не нашлось?

– Любила, – протянула Лариса, – вот и выбрала. А ты чего себе такую жену нашёл? Порядочных не было?

Андрей вздрогнул. Рассмеялся.

– Уела, – сказал, – ты за словом в карман не лезешь. Хочешь ещё чаю?

– Нет, – ответила Лариса и встала, – пойдём в постель. У меня ребёнок дома один. Вдруг проснётся? Я только в туалет схожу и в ванную. И сразу к тебе. Полотенце, что я руки вытирала, его можно использовать?

Андрей кивнул. Можно, мол.

Лариса развернулась и скрылась в санузле.

Андрей убрал посуду. Сполоснул чашки.

Зашёл в комнату. Выключил свет. Разделся. Юркнул в постель.

Его вдруг затрясло. То ли от желания, то ли от страха.

Лариса появилась в комнате внезапно. Быстро подбежала к кровати. Сбросила с себя полотенце. В свете от фонаря мелькнуло её белое тело. Она откинула одеяло и прижалась к Андрею.

– Вот, – она сунула в руку Андрея что-то мягкое и скользкое, – презерватив не забудь.

– Позже, – сказал Андрей, – когда встанет.

– Кто встанет? – не поняла Лариса.

– Ну, этот, – Андрей вдруг засмутился, – на кого надевать. Зря ты его распечатала.

– Извини, – вздохнула в полумраке Лариса, – я волнуюсь. Положи пока на тумбочку.

Потом наденешь.

Андрей бросил кусок резины на тумбочку. Осторожно дотронулся до плеча Ларисы.

– Обними меня, – попросила она его, – я сама уже без мужчины почти год. Соскучилась. И забыла, как это, когда тебя ласкают.

Андрей обнял Ларису. Погладил её грудь. Поцеловал. Вначале в щёку. Потом в губы. Лариса ответила. Начала гладить его спину. Задышала горячо в ухо. От этого было щекотно.

– Иди ко мне, – попросила она его, – иди, мой хороший.

Андрей, целуя, лёг на Ларису.

– Презерватив, – прошептала та ему на ухо, – не забудь надеть.

– Что? – не расслышал Андрей.

– Презик, – повторила Лариса. Не забудь презерватив.

– Ах, да, – Андрей слез с Ларисы и в темноте попытался нащупать на тумбочке средство контрацепции.

Презерватива на столике не было.

Ругаясь вполголоса, Андрей слез с кровати. Включил лампу.

Нагнулся, заглянул под кровать.

Розовый кусок латекса лежал в куче пыли между кроватью и тумбочкой. Вероятно, Андрей смахнул его вниз, когда пытался нащупать в темноте.

Андрей взял презерватив в руки. Встал. Лариса сидела на кровати, натянув одеяло по самый подбородок.

– Он испачкался, – сказал Андрей, – упал. Не надо было его вскрывать. Есть ещё?

– Нет, – ответила Лариса и покраснела, – я только один взяла. Я же не знала, что ты его уронишь. В следующий раз возьму всю упаковку. Я не знала. Я неопытная. Я первый раз.

– И что теперь делать? – спросил Андрей.

– А у тебя красивое тело, – сказала Лариса, – животик небольшой, но это нормально. У тебя ноги красивые. И руки.

Андрей внезапно понял, что он стоит посередине квартиры абсолютно голый.

Он покраснел, как только что Лариса. Схватил полотенце, которым до этого вытиралась девушка. Обернулся в него.

– Я здоров, – сказал Андрей, – я после развода проверялся на наличие. Всё чисто. А после развода у меня никого не было.

– Я тоже здорова, – ответила Лариса, – я тоже проверялась. На всякий случай. Наркоманы – это группа риска. Но, слава богу, ничем меня не заразил.

– Тогда без? – спросил Андрей.

– Я не знаю, – ответила Лариса, – я боюсь. Но если ты уверен, то давай без него.

Андрей выключил свет. Залез под одеяло.

Обнял Ларису. Она обняла его. Поцеловала куда-то под подбородок. Зашептала что-то.

И у них всё получилось. Неуклюже, как у подростков. Но безумно сладко и с фантастической страстью.

Когда это закончилось, Лариса осторожно встала, ушла в ванную.

Андрей хотел подняться вслед за ней, но не смог. Его тело ныло от удовольствия.

Лариса вернулась. Присела на кровать.

– Даже уходить не хочется, – сказала хрипло.

– Не уходи, – ответил Андрей.

– Не могу, – вздохнула Лариса, – у меня ребёнок.

– И долги, – добавил Андрей.

– И долги, – подтвердила Лариса, – ты спи, мой хороший, спи. Пусть тебе приснится что-нибудь счастливое. Спи. Спи.

И Андрей уснул. Провалился в сон, как под лёд. Снилось ему море. Тёплое море и горячий песок. И шум прибора.

Проснулся Андрей от звонка будильника.

Вскочил. Сбегал в туалет. Почистил зубы. Умылся.

Быстро позавтракал оставшимися с вечера бутербродами и яичницей.

Уехал на работу.

Вернулся в обед. У них сегодня, перед праздниками, был короткий день.

Ничего не напоминало о Ларисе. Лишь запах, оставшийся на полотенце, которым она вытиралась. И испачканный пылью презерватив, сиротливо лежащий на тумбочке.

Андрей побродил по квартире. Долго смотрел в окно, стараясь определить, где и на каком этаже живёт Лариса.

Взял телефон. Набрал повтор вчерашнего номера.

Лариса ответила сразу.

– Добрый день, Андрюша, – сказала она.

– Добрый день, – ответил он, – что у тебя нового?

– Всё по-старому, – сказала Лариса, – выселяют нас. Собираю вещи. Договорилась со знакомой, временно поживу у неё.

– А это, как с работой, – почему-то заикаясь, спросил Андрей, – у тебя были ещё заказы?

– Сегодня вечером еду на всю ночь, – помолчав, ответила Лариса, – в какую-то сауну.

За город.

Андрей вдохнул. Выдохнул.

– Не надо куда ехать, – сказал в трубку, – переезжай с сыном ко мне. Тебя в этой сауне могут изувечить. Или ещё что хуже. Переезжай ко мне, и живите тут. Я сейчас приду и помогу вещи перенести.

На другом конце провода наступила тишина.

– Андрей, а зачем тебе это надо? – спросила Лариса едва слышно. – Ты меня совсем не знаешь. Ты меня сегодня пожалеешь, а завтра пинками выгонишь. Зачем тебе это? И зачем мне это?

– Ты только одно скажи, – Андрей коротко кашлянул, прочищая лёгкие, – ты от меня гулять не будешь?

– Ни за что на свете, – ответила Лариса и заплакала.

– Тогда скажи, какой код в подъезд и на каком этаже вас искать, – распорядился Андрей.

Лариса ответила.

Андрей, как в тумане, оделся. Спустился во двор.

Под ногами скрипел снег. В голове было пусто. Почти пусто. В голове носились две фразы, сталкиваясь друг с другом: «Андрюха, ты идиот». И вторая: «Она замечательная и она мне подходит».

Сбоку мигала зелёным аптека. Сверху светило холодное зимнее солнце.

Андрей шёл через двор и ещё ничего не знал.

Не знал, что через год у них родится девочка. И что он будет самым счастливым человеком на свете.

Но это всё было впереди. А сейчас он просто шёл через двор. И главное, что ему надо было сделать, это вспомнить цифры кода от подъезда.

Валя

Валя приехала в Прагу учиться. Поступила в Высшую школу финансов и управления. И встретила Арама. Ей 20 почти, ему почти 30. Ювелирных дел мастер. Работал рядом с Парижской улицей. Своя мастерская, свои заказчики. И вдруг Валя. Она по студенческой визе, он вообще не пойми по какой. Она русская, он армянин. Она спокойная, чуть полноватая девушка с русыми волосами. Он небольшого роста, чёрненький, быстрый в решениях и действительно хороший специалист по ювелирному делу.

Два месяца длились ухаживания. Цветы, подарки, кино, конфеты. Влюблённость была обоюдная. Но если Валя тихонько светилась от счастья, то Арам носился как угорелый по Праге и готов был перевернуть весь мир для любимой.

Начали жить вместе. Валя взяла быт в свои крепкие женские руки. Недоделанные заказы и лишний инструмент из квартиры переехали в мастерскую. В холостяцком логове стало чисто и запахло вкусной едой.

Спустя ещё два месяца однажды за ужином Валя спокойно объявила:

– Я беременна.

Арам окаменел от счастья.

– Что делать будем? – спросила Валя.

– Как что? – очнулся Арам. – Рожать будем.

– Это понятно, что рожать, – улыбнулась Валя, – но я же студент, у меня виза учебная. Об академическом отпуске я договорюсь. Но как бы меня не выперли из Европы в любимый Смоленск.

– Я что-нибудь придумаю, – заявил Арам и умчался куда-то.

И действительно придумал.

Договорился с каким-то вьетнамцем, который женился на Валентине. Естественно, фиктивно. У вьетнамца было чешское гражданство, поэтому будущий ребёнок автоматически становился чехом. А Валя получила вид на жительство. Как член семьи гражданина Чехии. Единственное, что её смущало, так это фамилия ребёнка – Хуинь. Себе она оставила свою фамилию – Добронравова. Несмотря на все уговоры Арама, что для дела лучше всего ей поменять и фамилию.

– Нет, – сказала Валя, – я не буду Хуиновой. Меня мама не поймёт. Она и так не совсем понимает, что у нас тут происходит. А ребёнок потом поменяет. Ему, маленькому, всё равно, какая у него фамилия.

– Хорошо, – ответил Арам, – моя будущая жена тоже не хочет менять фамилию на армянскую. Останется Немцовой.

Себе Арам для фиктивного брака нашёл чешку. Удивительно похожую на него. Такую же чёрненькую, небольшого роста, подвижную и суетливую. От Арама она отличалась наличием груди пятого размера и финансовыми проблемами.

Расписались с интервалом в две недели. В Праге 13 в здании нового магистрата. После чего Арам отвёз часть своих вещей в квартиру фиктивной супруги, чтобы создать видимость присутствия в доме. В их же съёмной квартире на стене появилась карта Вьетнама и кое-какие вещи, якобы принадлежащие Валиному мужу.

С проверкой к Арамовой чешке приходили два раза. Первый раз позвонили Араму и спросили, удобно ли будет, если они придут с проверкой в среду утром. Обалдевший Арам ответил: да, удобно. Пришли двое, написали какую-то бумагу, что муж и жена живут вместе и ушли. Правда, ходили по подъезду и спрашивали про новобрачных. Но народ в основном был на работе, а остальные жители подъезда про счастливую семейную пару ничего толком рассказать не смогли.

Арам понял свой прокол и спустя пару дней с криками «курва» погонял Немцову по двору на потеху всему дому. Немцова за публичное унижение взяла коробку конфет и тысячу крон.

Второй раз проверка пришла в четверг вечером. Арам в этот момент бегал трусцой по парку в районе Лужин. В одних спортивных трусах и майке. Телефон болтался на шее на шнурке. Получив от «любимой» жены смс «у нас проверка, я сказала, ты пошёл за пивом», он по-спринтерски рванул в ближайший магазин. Ближайшим магазином оказалась русская Калинка. С одной стороны, это было хорошо. Потому что пиво ему дали в долг. С другой стороны, пиво там было только русское.

Но как бы там ни было, в квартиру к Немцовой Арам ввалился с полдюжиной бутылок «Балтики» через 10 минут после получения смс.

Ввалился. Игриво шлёпнул законную супружницу по заднице и предложил пива проверяющим. Те от него отказались. Немцова от хлопка по филейной части вздрогнула. Покосилась на Арама.

– Люблю я этого русского, – сказала томно, обращаясь к проверяющим.

Те вежливо улыбнулись и сели заполнять протокол проверки. Заполнили. Откланялись. Хотел откланяться и Арам, но Немцова преградила ему путь из квартиры.

– А как же супружеский долг? – спросила, поправляя причёску и колыхая грудью в узком коридоре.

Арам покосился на волнующийся под майкой бюст своей чешской супруги, бочком протиснулся к двери.

– Я другую люблю, – сказал твёрдо.

И ушёл. Забыв пиво. Которое Немцова тут же выпила от огорчения. Наутро у неё раскалывалась голова, и она проклинала и верных русских мужчин, и злой русский напиток, по недоразумению названный пивом.

Проверка же к Вале от госорганов не дошла. Точнее, дошла, но только до дверей подъезда. Рядом с дверью располагался маленький продуктовый магазин, который принадлежал вьетнамцам. Проверяющий почему-то решил, что это именно тот вьетнамец, который ему нужен. Тем более в подсобке находилась украинская уборщица, которую чиновник принял за Валу. Зашёл в магазин, предъявил документы. Достал бумагу и начал писать протокол. Вьетнамский продавец плохо понимал по-чешски, поэтому на все вопросы отвечал честно: «Да».

- Ваша жена Валентина Добронравова?
- Да.
- Вы живёте вместе?
- Да.
- У вас есть совместные дети?
- Да.
- Вы ведёте совместное хозяйство?
- Да.

После заполнения протокола проверки удовлетворённый чиновник поблагодарил запуганного продавца, кивнул в сторону подсобки затихарившейся уборщице, у которой была просрочена виза, и с чувством выполненного долга отбыл.

Зимой Валя родила девочку в роддоме в Подоли. Назвали Зарой, в честь бабушки Арама. Зара Хуинова, гражданка Чехии. Но, несмотря на эту мелочь, Арам был счастлив. Настолько счастлив, что через полгода Валя опять забеременела.

Она сообщила об этом Араму в один из августовских вечеров и добавила:

- Что будем делать? Нам и так тесно в двушке.
- Я что-нибудь придумаю, – сказал Арам.

И придумал. Занял немного денег и к зиме купил трёхкомнатную квартиру. В панельном доме. Но зато с шикарнейшим видом из окон. На парк.

К этому времени Валентина получила гражданство. Подала на развод. А развод в Чехии дело небыстрое. Пока его ждали, родила ещё одну девочку. Нано. Всё с той же неприличной фамилией.

К этому времени и Арам получил гражданство. И также подал на развод. Немцова было заупрямилась. Она каким-то образом узнала про квартиру, которую Арам купил для своей настоящей семьи. Но он показал ей договор о раздельном имуществе супругов, составленный перед бракосочетанием, и Немцова согласилась на развод и на отсутствие претензий со своей стороны.

Итак. Гражданство получили оба. Оба в разводе. Плюс двое детей и трёхкомнатная квартира, записанная на Арама. Что бы в этом случае сделал нормальный человек? Правильно. Женится бы. Девочек бы удочерил. Тем более, они как две капли воды были похожи на Арама. И зажила бы новая семья дружно и счастливо.

Это нормальный человек. Но только не Арам. Арам сдал Валентине свою квартиру. Да. Сдал квартиру в аренду Добронравовой Валентине и двум её дочерям. Официально она считалась матерью-одиночкой. Поэтому получала неплохие пособия на двух девочек, и чешское государство оплачивало ей снимаемую квартиру. Валентина только спросила:

– А это законно?

– Законно, – ответил Арам, – я с адвокатом консультировался. Грамотная тётка. Анна зовут.

– Ну, раз законно, тогда ладно, – махнула Валя рукой на очередную Арамову аферу.

Прожили так почти год. Арам пропадал на работе, создавая изумительные по красоте ювелирные изделия. Вечером спешил домой. Валя занималась детьми, параллельно умудряясь учиться в институте. Она немного прибавила в весе, стала ещё более спокойной и рассудительной. Дочки её обожали. Как и своего неугомонного отца.

В тот вечер Арам пришёл с работы грязный. У машины прокололось колесо, и ему пришлось менять его под осенним дождиком. Разделся. Набрал полную ванну горячей воды. Лёг. В это время раздался звонок в дверь. Валя заглянула в ванную и шепнула: «Контроль из социалки, сиди и даже не дыши».

И выключила свет в ванной. Арам замер, боясь шевельнуться.

Две дамы из социальной службы пришли к матери-одиночке Добронравовой Валентине с проверкой. Разулись. Сбросили верхнюю одежду и прошествовали на кухню. Сели за стол, разложили бумаги. Валя поставила чайник на плиту.

Дамы заполнили нужные формуляры. Сходили в детскую. Умилились на двух девочек, играющих в комнате. Девочки были как две капли воды похожи на Арама. И совсем не похожи на вьетнамок. Но кого это интересует? Дети есть? Есть. Две штуки? Две. Всё. Надо обеспечить детям и матери материальную помощь.

Валентина провела дам обратно в кухню. Усадила за стол. Налила чай. Вытащила зефир с шоколадом и мармелад. Дамы растаяли от такого внимания. Завязался разговор. О том, как трудно одной воспитывать детей. О том, какие мужики пошли. Сделают ребёнка и уйдут. Выпили каждая по кружке чая, по второй, по третьей.

– Что она делает? – думал Арам, сидя в стремительно остывающей воде в большой угловой ванне. – Они же в туалет захотят после такого количества чая.

А санузел в квартире был совмещённый. И в нём в настоящее время находился Арам, коченея от остывшей воды в полной темноте. Боясь шевельнуться.

Валя же подливала гостям чай и подкладывала мармелад с зефиром. Тётки вспоминали время, когда они были молодые и строили социализм.

– Ещё чай? – услышал в ванной окончательно окоченевший Арам голос Вали.

– Ой, у вас такой вкусный чай, – одновременно ответили тётки, – давайте ещё по кружке.

– А, всё равно, пусть заходят, – думал Арам, стараясь не стучать зубами от холода, – литра два каждая выпила этого чаю. Наверняка кто-то да захочет отлить. Не резиновые же у них мочевые пузыри. Скажу, что сантехник.

Правда, что делает голый сантехник в тёмной ванной комнате в холодной воде, он придумать не мог. Поэтому принялся разрабатывать другие планы. Например, нырнуть и, пока какая-то из тёток справляет свои надобности, дышать под водой в ванне через трубочку. Но, как назло, под рукой не было трубочки. Был только кусок мыла и мочалка.

– Господи, – шептал Арам, – я отличный ювелир, у меня куча заказчиков. Я очень хорошо зарабатываю. Ну на фига мне была эта история с матерью-одиночкой?

Арам уже был готов встать и пойти на кухню сдать. Но в этот самый момент тётки из социалки начали прощаться. Ещё раз прошли мимо санузла в комнату девочек. Ещё раз умилились двум ангелочкам. Вернулись в коридор. Оделись. Обулись. Долго благодарили за чай и угощения.

– Такай вкусный чай, столько много выпили, – вдруг сказала одна из тёток, – что аж в туалет захотелось.

«Твою мать, – выругался обычно никогда не сквернословящий Арам, – и на кой я тут столько времени терпел пытку холодом?»

– Да уже обулись, – подала голос вторая.

– И у нас туалет засорился, – вдруг нашлась Валентина, – сами понимаете, без мужской руки сразу ничего не починить. Завтра придёт сантехник.

– А куда же вы ходите? – удивились тётки.

– К соседям, – ответила Валя, у нас очень хорошие соседи. Душевные. Всегда нам говорят, что если надо в туалет, заходите.

– Да, хорошие отношения с соседями в наше время редкость, – согласились тётки, – не то, что раньше.

И они ушли. Захлопнулась дверь. Валентина вошла в ванную, включив свет. В мыльной воде лежал синий Арам, шурясь от яркого света лампочки. Валя вытащила мужа, растёрла армянским коньяком. Заставила выпить этого же коньяка. После чего Арам уснул.

Проснулся он с температурой и дикой головной болью. Проболе́л почти неделю. Валя кормила его куриным бульоном и ставила горчичники. Арам кашлял, сморкался и жаловался на бездушных тёток из социалки, которые сожрали весь мармелад с зефиром и выпили весь коллекционный чай из Шри-Ланки.

Когда Арам выздоровел и окреп, Валентина сообщила ему радостную весть:

– Я беременна.

– Ну, наконец-то мальчик будет, – обрадовался Арам.

– С чего ты взял, что мальчик? – удивилась Валя. – У нас в роду по женской линии всегда только девочки рождаются. Это до седьмого поколения можно проследить.

– Как девочки? – опешил Арам. – А что же ты мне раньше не сказала?

– А ты не спрашивал, – просто ответила Валя и, прищурившись, спросила: – А дочкам ты не рад, что ли?

– Не говори глупости, женщина, – взвился Арам, – я вас всех люблю. Просто я думал, что мальчик...

– Не, мальчика не будет, – перебила его Валя, – это сто процентов.

Арам посидел в раздумье минут десять, потом махнул рукой и отправился на работу. Зарабатывать деньги на стремительно увеличивающуюся семью.

Через положенное время Валя родила крепкую чёрненькую девочку. Всё в той же больнице в Подоли. На этот раз девочке дали русское имя Саша и фамилию матери. Хотя девочка, как и две её сестрёнки, была вылитая армянка.

Счастливый отец спокойно прожил полгода. На детей чешское государство по-прежнему давало приличные пособия и оплачивало им их же квартиру. А довольно успешная работа Арама как ювелира позволила семье отложить на чёрный день крупную сумму. Но какое-то внутреннее шило, судя по всему, не давало Араму насладиться семейной жизнью.

Однажды вечером, когда Валя уложила детей спать, он сообщил ей, что им надо переехать в США.

– Родственники в Калифорнии расширяют бизнес, – начал Арам, – зовут меня к себе. Это не Чехия. Там совсем другие возможности и совсем другие деньги. Надо ехать.

– И на каком основании ты туда поедешь? – спросила Валя, заранее уже зная ответ.

– Въеду как турист, – начал Арам, – а там уже родственники договорились с одной женщиной, она за небольшую плату возьмёт меня замуж.

– Женится, – поправила Валя Арама.

– Да какая разница? – отмахнулся Арам. – Главное, что годика через два я получу Грин кард. А там или тебе подыщу жениха, или ещё что-нибудь придумаю.

Валя вздрогнула, услышав знакомое «что-нибудь придумаю».

– Арам, – сказала ему, – у нас с тобой трое детей, три девочки. Которые носят разные фамилии, хоть и похожи на тебя. И мы ни одного дня не были в законном браке. А нам уже не по двадцать лет. Старшей почти десять. Я хочу нормально жить с законным мужем.

– У нас всё будет хорошо, – сказал Арам, – ты тут на пособия поживёшь, а я там подготовлю плацдарм для вашего переезда. И в Америке уже поженимся. Честное слово.

– И свадьба будет? – спросила Валя.

– Шикарнейшая, – кивнул Арам, – и три наших дочки будут нести за тобой фату.

– Тогда езжай, – сказала Валя, – надеюсь, там мы останемся. Я не могу представить, куда дальше после Америки можно ещё податься.

И Арам уехал в Америку. Где женился, быстренько получил разрешение на работу, а спустя некоторое время и Грин кард. А потом подал на гражданство. Схема была всё та же, что и в Чехии. Только немного дольше по срокам. Гражданство он получил через 4 года после приезда. Развёлся со своей американкой. И позвал к себе Валю с дочками.

Тогда-то я и познакомился с этой чуть полноватой женщиной с длинными волосами, заплетёнными в косы, и с удивительно красивыми глазами. Пахло от неё молоком и свежеспечённым хлебом. Она была несуетлива, спокойна, уверена в себе. Ей надо было продать квартиру, в которой они жили. На продажу у неё была генеральная доверенность от Арама.

В течение четырёх месяцев продали квартиру. Оформили все документы. И Валя со своими дочерьми улетела в Америку. И пропала.

Объявилась она спустя полгода. Стукнув мне в скайп. Вначале поговорили про здоровье, про погоду. И потом Валентина рассказала мне, что с ними случилось, когда они улетели из Праги.

Летели они через Амстердам. И именно в этом замечательном городе их не посадили на самолёт. Заподозрили в том, что они летят не в турпоездку, а с целью остаться в Америке. Тем более младшая возьми и ляпни: «Мы к папе летим». Хотя этого папу видела только на мониторе компьютера. В общем, ссадили их с рейса.

Валя позвонила Араму. Тот бросил знаменитую фразу про то, что он что-нибудь придумает, и на пару дней взял тайм-аут. И придумал.

Вместо Америки Валя полетела в Мексику. Где позвонила кому надо, и её с детьми отвезли куда надо. А точнее, отвезли на границу. Которую она и перешла. Вместе с небольшой толпой таких же нелегальных беженцев.

На американской территории их арестовали бравые штатовские пограничники. И одну ночь с детьми Валя провела в тюрьме. А наутро приехал Арам и забрал их к себе в дом. На плацдарм, который он готовил четыре года.

– Валя, – прервал я её, – ведь это же в голове не укладывается. Граница, тюрьма, мексиканцы. Это же опасно.

– Да ничего страшного, – ответила Валентина, – я же белая. Ко мне с большим уважением все относились. И в тюрьме, и на границе. Нас когда арестовали, не со всеми посадили, а отдельную машину вызвали. Додж. Большой такой. С кондиционером. И детям лимонад дали.

– Ну, а сейчас-то что? – спросил я.

– Арам с адвокатом подали документы. Провели экспертизу ДНК, которая показала, что девочки его родные дочери. И что мы вынуждены были уехать из Чехии, потому что нас там притесняли. Оформили пособие. Ждём, когда мне дадут Грин кард. В общем, всё хорошо.

– Ну что же, – пробормотал я, – удачи вам на новом месте.

– Спасибо, Вадим, – ответила она. – Будете в Калифорнии, обязательно заезжайте в гости.

– Обязательно заеду, – пообещал я и отключился.

Оксана

День с утра не задался. Точнее, не с утра, а с обеда. Проснулась Оксана в одиннадцатом часу. Если это и было утро, то позднее. Повалюсь в постели полчаса. Благо, никто не беспокоил. Муж Никита свалил на работу ни свет ни заря. Оксана сделала себе лёгкий завтрак, выпила чашку кофе.

Ровно в 12 отправилась в ванную. Помылась, почистила зубы. Вернулась в комнату. Разложила на ночном столике крема, тени, помады, туши, румяна. Принялась наводить красоту. Тщательно и со вкусом.

Наведение красоты заняло чуть больше часа. Оксана критическим взглядом посмотрела в зеркало. Результат ей понравился. Оделась. Лёгкое голубенькое платьице. Под ним беленькие трусики и беленький бюстгалтер. На ноги беленькие босоножки.

Выбор сумочки занял 15 минут. Беленькую или синенькую? Синенькую или беленькую? Наконец-то решила – беленькую. Она была поменьше и полегче. И поизящнее.

В три часа дня вышла из дома. Пошла в сторону метро, в очередной раз проклиная расположение дома. Да, новостройка, да, с мебелью, да, недорого. Но до метро надо идти пешком минут 10. Через поле. По асфальтированной дорожке. Да и метро-то – конечная станция с дурацким названием Зличин. До центра минут двадцать пилить. Можно было бы в Одноклассниках посидеть или в Фейсбуке. Но в метро не ловит интернет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.